

«Все здесь без ума от него»: Пётр I глазами французских современников

Известный немецкий историк Райнхард Виттрам заметил, что присущие тогдашней французской культуре умение описывать и формулировать, «литературная ответственность» авторов позволили современникам сделать «фотографически точный» портрет царя во время его пребывания в Париже¹. Это замечание в первую очередь касается описаний внешности монарха, однако и многие черты его характера и поведения были зафиксированы весьма прозорливо. За этими эскизами последовали и общие характеристики деятельности Петра I. Однако «зарисовки с натуры» неизбежно накладывались у французских современников на исторически сложившиеся стереотипные представления о России и её царе.

К началу XVIII века во Франции сложился негативный образ далекой северной страны² (заметим, что у русских были не менее негативные представления об иностранцах). Русские традиционно относились к разряду «варваров», «чужих». Россия неизменно и не без оснований представлялась как страна с деспотическим правителем и рабски-покорным населением. В «*Mémoires du Chevalier Hasard*» (1703) их автор Гатьен де Куртильз де Сандра³ (Gatien de Courtilz de Sandras, 1644–1712), якобы присутствовавший на встрече Петра I с курфюрстом Бранденбурга, нарисовал такой портрет русского царя: «Несколько дней спустя приехал царь Московии, что обеспечило нам развлечение на пять или шесть дней. Никогда мы не видели столь необычных манер <...> Он въехал в город втихомолку на смехотворном экипаже; он был больше похож на медве-

¹ *Wittram R.* Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 315.

² См.: *Mervaud M., Roberti J.C.* Une infinie brutalité. L'image de la Russie dans la France des XVI-e et XVII-e siècles. Paris, 1991.

³ Автор «Мемуаров д'Артаньяна», положенных в основу известного романа А. Дюма.

дя, чем на человека, он был одет в шкуры и колпак на голове. Одежда волочилась по земле вместе с саблей колоссальных размеров. Усы его закручивались вокруг ушей <...> Он приблизился к курфюрсту, не снимая с головы колпака, с испанской важностью, не сгибаясь, словно аршин проглотил». Царь грубо вел себя с дамами, пил перцовую водку словно простую воду, и все время грозил всех повесить и убить⁴. Не будет большим преувеличением предположить, что примерно такого «медведя» ожидали увидеть на улицах своего города парижане в 1717 году.

Впрочем, к этому времени во французской литературе появились и более благожелательные отзывы о русском царе, хотя и очень немногочисленные. Еще де ла Невилль в своем «Любопытном и новом известии о Московии» дал обнадеживающий портрет русского царя: «Пётр очень красив и строен собою, и острота ума его дает большие надежды на славное царствование, если только будут руководить им славные советники». Однако затем автор приводил следующие детали, ставящие вышеупомянутые «большие надежды» под сомнение: «Глаза у него довольно большие, но блуждающие, вследствие чего бывает неприятно на него смотреть. Несмотря на то, что ему только 20 лет, голова у него постоянно трясется. Любимая его забава заключается в натравливании своих любимцев друг на друга, и весьма нередко один убивает другого из желания войти к царю в милость»⁵. Публикация сочинения Невилля, совпавшая с Великим посольством, вызвала возмущение Петра. В результате «Любопытные и новые известия о Московии» перешли в России в разряд запретной литературы⁶. «Journal de savants», извещавший своих читателей о военных походах Карла XII, писал в 1708 году: «В характере царя, как его здесь описывают, имеется нечто странное. Он считает ниже своего достоинства блистать своей свитой, своим столом, своими одеяниями <...>»⁷. Известный во Франции «Journal de Trévoux» трижды (в 1706, 1710 и 1711 годах) помещал заметки И. Копиевича об успехах русского просвещения при Петре I. В одной из заметок сообщалось: «Заботы царя Петра Алексеевича о воспитании у своих подданных воинского духа и

⁴ Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951. P. 15.

⁵ Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 485, 519; ср.: Де ла Невилль. Записки о Московии / отв. ред. В.Д. Назаров, Ю.П. Малинин; предисловие, подготовка текста, перевод и комментарии А.С. Лаврова. М., 1996. С. 169.

⁶ Лавров А.С. «Записки о Московии» де ла Невилля во Франции и в России XVIII века // Книга в России: век Просвещения. Л., 1990. С. 101.

⁷ Цит. по: Mohrenshildt D.S. Russia in the intellectual life of eighteenth century France. New York, 1936. P. 11.

литературного вкуса увенчиваются успехами. Победа, одержанная под Полтавой, показывает, насколько московитское войско изменилось после Нарвской битвы. Большое количество полезных книг, созданных на славянском языке или переведенных на этот природный язык Московии, доказывает, что московиты не далеки от того, чтобы с помощью наук снискать себе такую же славу, какую они уже заслужили на ратном поле». Далее приводилось любопытное свидетельство о том, что сам Пётр I бы переводчиком одной из книг⁸. В год смерти Людовика XIV имя героя Полтавы появляется, наконец, в «Королевском Альманахе» в числе европейских монархов. Правда, имена членов царской фамилии совершенно исковерканы, а в качестве жены Петра указана Евдокия Лопухина⁹.

Стереотипные, мифические представления о России и о Петре I столкнулись в 1717 году с реальными впечатлениями о деятельности русского царя во Франции. Каковы же были результаты?

Камер-юнкер де Либуа, посланный навстречу царю в Дюнкерк, нашел в лице Петра I довольно беспокойного и своенравного гостя. В своих письмах к регенту де Либуа подчеркивал, как трудно ему приходится с русскими, однако отдавал должное достоинствам русского монарха:

«Царь очень велик ростом, несколько сутуловат и имеет привычку держать голову немного вниз. Он смугл и в выражении его лица есть что-то суровое; кажется, он обладает живым умом и большой сметливостью; в движениях его заметно некоторое величие, впрочем, не всегда выдерживаемое. Он задумчив и рассеян, хотя для всех доступен и прост в обращении; говорят, что он очень силен и способен в работе физической и умственной».

Позже де Либуа писал с некоторым раздражением: «Я продолжаю убеждаться в том, что писал о характере царя, в котором действительно встречаются зародыши добродетелей, но они в диком состоянии и чрезвычайно перемешаны с недостатками»¹⁰.

Маркиз Майи де Нель, прибывший на помощь де Либуа, сначала давал нейтральную информацию: «<...> Его величество не говорит и не понимает по-французски. Царь высок ростом, довольно хорошо сложен и приятной наружности»¹¹. Затем он писал о рус-

⁸ См.: *Копанев Н.А.* Пётр I — переводчик // XVIII век: Сб. 16. С. 180–183.

⁹ *Almanach Royal*. Paris, 1716. P. 32

¹⁰ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник ИРИО. 1881. Т. 34. С. 145, 163.

¹¹ Там же. С. 188.

ском царе с бóльшим недоброжелательством: «Люди обыкновенно руководствуются разумом, но эти люди (царь и его свита. — С.М.), если только таковыми можно назвать тех, в ком нет ничего человеческого, совершенно не слушают доводов разума»¹². Именно с де Нелем связывали баснословные слухи, будто Пётр прогнал маркиза ударом кулака, когда тот хотел сесть в его карету; московский государь якобы ответил на какое-то возражение маркиза пощечиной и т.д.¹³. Слухи о том, что царь встречает любопытных зевак кулаками, пинками и пощечинами, распространились в Европе еще во время его первого путешествия в Европу и оживились, как только Пётр прибыл во Францию.

О восприятии Петра простыми горожанами можно судить по материалам дневника Ж. Бюва и его же сообщений в рукописной «*Gazette de la Régence*». Они свидетельствуют о том, что горожане отнеслись к необычному монарху с любопытством, отметив первым делом, что он плохо одет и пренебрегает этикетом. В сущности, это означало лишь то, что он одевался совсем не так, как французский король или французская знать и не соблюдал привычных для французов правил публичного поведения. Ходили слухи о его «странностях»: он сам сконструировал себе карету, установил свою кровать в гардеробной отведенного ему особняка; поговаривали о том, что белье исчезает из комнат, где ночуют члены его свиты. Слухи эти вполне понятны с учетом того, что парижане привыкли к сказочной роскоши одеяний короля и придворных, к чрезмерной сложности королевского этикета, к недоступности короля для простых смертных. Когда первое удивление прошло, французы смогли оценить простоту и доступность царя, отмечая его приветливость ко всем.

Париж легко отзывался словом на любое значимое событие. Появление в столице диковинного путешественника породило следующие наивные куплеты:

«Сколько радости наш Париж
И все мы увидели в эти дни!
Сей славный князь и государь
К нам вдруг возьми да загляни.
Покинул он свои края,
Чтоб почтить нашего короля.

¹² Цит. по: *Валишевский К.* Собр. соч. М., 1993. Т. 2. С. 356.

¹³ *Le Cabinet historique: revue... contenant, avec un texte et des pièces inédites, intéressantes ou peu connues, le catalogue général des manuscrits que renferment les bibliothèques publiques de Paris et des départements touchant l'histoire de l'ancienne France et de ses diverses localités, avec les indications de sources, et des notices sur les bibliothèques et les archives départementales / Sous la direction de Louis Paris.* Paris, 1856. Т. 2. Part. 1. P. 36.

Король Луи, о коем речь,
Послал людей ему навстречь.
Далекой Московии властелин
Везде почитаем и знаменит —
Как по Парижу он будет гулять.
Каждый с радостью поглядит <...>¹⁴.

Однако царь не переносил любопытства толпы, стремился избежать скопления народа. «О нем больше здесь не говорят, — отмечал наблюдатель, — Он ездит по Парижу инкогнито, в карете, запряженной парой лошадей, без охраны. Жалуются, что он совсем не щедрый»¹⁵. Действительно, парижане вскоре стали обсуждать «скупость» царя, которая в глазах толпы постепенно вырастала до размеров смертного греха: «он совсем не кажется щедрым», его «мелочность» вызвала осуждение, он уже казался не просто экономным, но «скарёдным», с манерами «мелкого буржуа»: он дал лишь одно эку в качестве чаевых работникам мануфактуры Гобеленов; он торговался с продавцами; он подал лишь мелкую монету человеку, обслуживавшему фонтаны, царь не заплатил музыкантам, которые по ночам увеселяли его в Версале, и т.д.¹⁶. Такого парижская толпа монарху простить не могла. «Как будто бы смысл существования королей заключается в том, чтобы бросать золото в толпу»¹⁷, — восклицал французский историк. Так называемая «скупость» объяснялась не только весьма умеренными личными потребностями царя. Видимо можно согласиться с К. Валишевским в том, что Пётр помнил о своем инкогнито и старался вести себя не как царь, а как частное лицо. Лишь в конце своего пребывания в Париже он щедро одарил всех принимавших его французов, о чем

¹⁴ Перевод В.К. Ронина цит. по: Вагеманс Э. Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб., 2013. С. 151; полный текст см.: Французские стихи в честь Петра Великого / сообщено И.Я. Бутковским // Исторический вестник. 1883. № 12. С. 633–634; см. также: Bourguignon J. Le passage de Pierre le Grand à son départ de France en 1717 // Revue d'Ardenne et d'Argonne publiée par La Société d'études ardennaises. 1902. №1–2. P. 2; Порше Ж. Пётр Великий и Парижская королевская библиотека // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Кн. 4. С. 59–60.

¹⁵ Le Cabinet historique. P. 41.

¹⁶ [Buvat J.] Journal de la Régence (1715–1723) / par Jean Buvat. Paris, 1865. Т. 1. P. 267, 269, 270, 275; [Buvat J.] Gazette de la Régence: janvier 1715–juin 1719 / [attribué à Jean Buvat]; Publ. d'après le ms. inédit conservé à la Bibliothèque royale de La Haye, avec des annotations et un index, par le comte É. de Barthélemy. Paris, 1887. P. 176, 182, 186, 187.

¹⁷ Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. P. 19.

единогласно писали многие современники¹⁸. Один из них писал: «Царь, которого упрекали в отсутствии щедрости, в день отъезда блестяще показал ее присутствие; он дал 50 000 ливров для тех, кто заботился о его столе во время его пребывания во Франции; 30 000 ливров для своей стражи; 30 000 ливров для раздачи на королевских мануфактурах и заводах, которые он посетил; он подарил свой украшенный бриллиантами портрет королю; такой же — маршалу де Тессе, герцогу д'Антену и маршалу д'Эстре; портрет ценою в 6000 ливров он дал королевскому метрдотелю, который служил ему. Царь роздал, кроме того, много золотых и серебряных медалей с изображением великих событий его царствования и некоторых сражений»¹⁹. Медали, о которых идет речь в письме, были еще в 1713 году заказаны известному немецкому медальеру Ф.Г. Миллеру. Миниатюрные портреты с бриллиантами были выполнены в Париже Ш. Буатом. Недостающие для подарков портреты царь позаимствовал у знатных персон своей свиты (П.А. Толстого, А.И. Остермана, П.П. Шафирова). Книга расходов посольства точно зафиксировала количество подарков и их стоимость: маршалу де Тессе — «персона от Петра Андреевича» и 6 пар соболей, герцогу д'Антену — «персона большая от Остермана», а его сыну — 4 пары соболей, королевскому метрдотелю маркизу де Ливри — «персона из меньших», дворецкому Л.Ф. Вертону — «персона из меньших» и 2 пары соболей; «контролеру» де Кресму — часы золотые в 80 червонных, конюшим маршала де Тессе и его служителям медали и 100 червонных, служителям дворцов в Версале, Трианоне и Марли — 100 червонных, метрдотелям, служившим при столах, — по 2 медали золотых, прочим служителям «при столе на поварне» (126 человек) — 1000 червонных, королевским комнатным («коморным») служителям — 100 червонных; людям маршала Вильруа в отеле Ледигьер — 50 червонных; всего — 1430 червонных²⁰. Как видим, французские сановники, сопровождавшие царя в поездках и обеспечивавшие ему комфортное пребывание, принимавшие его в своих домах, заслужили наибольшую благодарность царя. Сохранилось благодарственное письмо герцога д'Антена Р. Арескину от 23 июня 1717 года:

¹⁸ См.: [Dangeau Ph.] *Journal du marquis de Dangeau*. Т. 17. Paris, 1859. P. 108; Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы. М., 1991. Кн. 2. С. 369–370; *Lossky B. Le séjour de Pierre le Grand en France // Le monde slave*. 1932. № 8. P. 300.

¹⁹ Цит. по: *Валишевский К.* Собр. соч. Т. 2. С. 365.

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1, № 40. Л. 108–109.

«Господин, я получил письмо, которое вы потрудились мне написать 20-го. Я отдал необходимые приказания Риго относительно двух экземпляров Ко[р]неля²¹, которые вы просили. Мне очень досадно, что перед отъездом я не мог обнять вас, питая к вам в результате немногих встреч большое уважение и почтение. Я преисполнен благодарности за всю доброту Царя и за чудесный подарок, который он мне сделал; осмелюсь сказать, что таковой я получил впервые и сохраню его в моей семье в честь великого монарха, который мне его дал; и я был бы счастлив, если он пожелает что-то мне поручить в этой стране»²².

Вышеупомянутый Ж. Бюва кроме «скупости» отмечал и другие странности в поведении русского царя, о которых судачили в Париже: пьянство, дурные манеры, свидания с дочерьми торговцев, лечение от венерической болезни...²³ Эти слухи отразились и в других источниках — от писем матери регента, до донесений некоего Сержана, снабжавшего информацией герцога Лотарингского. Сержан сообщал: «Он не общается с дамами днём, но не вечером и ночью; его предупреждали о необходимости позаботиться о здоровье»²⁴. Впрочем, даже злоязыкий Ж. Бюва колебался в оценке русского гостя. В «*Gazette de Régence*» промелькнула мысль о противоположности «просвещенного» царя его «варварскому» народу: «Здесь начинают говорить об этом монархе только с похвалой: будучи приветливым со всеми, он глядит на вещи с умом и рассудительностью. Он презирует своих подданных, сравнивая их с теми людьми, что он видит здесь»²⁵.

В середине XVIII века Ж. Лакомб подметил: «Француз, который любит славу и который часто оценивает не суть, а только чисто внешний блеск, не воздает должное прекрасной простоте искренней и свободной души. Герой ускользнул из глаз простонародья, в Петре I видели лишь иностранца, не имевшего наших манер. Мало наших любопытных наблюдателей обратило внимание на глубину этого величественного и редкого гения, который вызвал удивление и восхищение Европы»²⁶. Впрочем, этот автор лишь повторил на-

²¹ По-видимому, речь идет о каких-то заказах, касающихся живописца Г. Риго и работ живописца и гравера М. Корнеля (Corneille).

²² СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 5. Л. 62.

²³ [Buvat J.] *Journal de la Régence* (1715–1723). P. 268, 269, 271, 272, 276, 277; [Buvat J.] *Gazette de la Régence*: janvier 1715–juin 1719. P. 188, 189.

²⁴ *Le Cabinet historique*. P. 42.

²⁵ [Buvat J.] *Gazette de la Régence*: janvier 1715–juin 1719. P. 175.

²⁶ *Lacombe J. Histoire des révolutions de l'empire de Russie*. Paris, 1760. P. 310.

блюдение Вольтера: «большинство французов заметило в нем (Петре I. — С.М.) только внешнюю грубость, оставшуюся у него от дурного воспитания, а преобразователь, создатель новой нации, великий человек, — ускользнул от их внимания»²⁷.

Мнение придворных о Петре было в большинстве случаев поверхностным. Все отмечали отсутствие у царя хороших манер и простоту его одежды, описывали его внешность. Как писал позже д'Аламбер, «царь Петр рассматривался придворными как достаточно посредственный человек, потому что он всегда носил коричневую одежду и был плохо причесан»²⁸. Герцог Сен-Симон оставил, пожалуй, самый лучший словесный портрет Петра I:

«Царь Петр был высок ростом, очень хорошо сложен, не тучен телом, с лицом округлой формы, высоким лбом и красивыми бровями; нос у него был довольно короткий и не массивный, чуть расширенный на конце, довольно полные губы, красноватое смуглое лицо, большие, красивые, живые и пронизательные черные глаза, взгляд величественный и благосклонный, когда он следил за собой, но иногда суровый и бешеный; он страдал судорогами, которые случались у него не часто, но так искажали лицо и глаза, что внушали ужас. Продолжались они всего мгновение, взгляд становился блуждающим и страшным, но тотчас же прекращались. Весь его вид свидетельствовал об уме, рассудительности и величии и не чужд был известной приятности. Он носил полотняный воротник, крутой, темный, похоже, не напудренный парик, не доходивший до плеч, коричневый полукафтан с золотыми пуговицами, башмаки, чулки, звезду и ленту ордена своего государства; перчаток и манжет он никогда не носил; полукафтан у него нередко был полностью растегнут; шляпа вечно валялась на столе: он ее никогда не надевал, даже на улице. Но и при всей этой простоте, при том, что он иной раз ехал в первом попавшемся экипаже, сопровождаемый теми, кто подвернулся, все сразу понимали, кто он такой, по присущему ему от природы величественному виду»²⁹.

Оригинальную портретную зарисовку царя оставил монах-капуцин Фюрси де Перон, увидевший Петра «с короткими волосами, без парика, с гладким лицом, большими глазами; тело его достаточ-

²⁷ Вольтер. История Карла XII, короля Шведского / пер с фр. И.И. Ильяхенко. СПб., 1909. Т. 2. С. 163.

²⁸ Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. P. 282.

²⁹ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы. М., 1991. Кн. 2. С. 358–359.

но дородно». Автор отметил «грубые манеры, а также обычаи его страны, происходящий от суровой жизни, избегать встреч с женщинами и их визитов: он не видел и не принял ни одной во время своего пребывания в Париже, кроме тех встреч, от которых невозможно было уклониться <...> Он уважал ученых и писателей, интересовался всеми редкими и прекрасными вещами, запоминал все, что видел, он всегда носил с собой карандаш, разыскивая ремесленников и мастеров, приглашая их ехать в свою страну, чтобы там их поселить — и многие последовали за ним»³⁰. Ж. Бюва, вероятно видевший Петра в Королевской библиотеке, так описывал его внешность:

«Царь был одет совсем просто: в сюртук из серого буракана, довольно грубого, без всяких украшений, в серую куртку из шерстяной ткани с пуговицами, украшенными бриллиантами; ни галстука, ни манжет, ни кружев на рубашке у него не было. Его испанский парик сзади был обрезан и не был напудрен, на сюртуке у него был небольшой воротник, который обычно носят путешественники. Поверх сюртука имелся пояс, украшенный серебряным галуном, на нем висел тесак на восточный манер. Монарх был высокого роста, довольно стройный, скорее худой, чем толстый, цвет его кожи немного бледный, без красноты, вид у него был несколько смущенный, он часто мигал глазами, что считали следствием данного ему когда-то яда»³¹.

Присущая Петру небрежная манера одеваться на некоторое время даже вызвала подражание парижских модников. Эту моду окрестили «*habit du Tzar ou du Farouche*» («одежда царя или дикаря»).

Мемуаристы из высшего общества не были едины в своих оценках русского царя. Мать регента Елизавета Шарлотта Баварская, принцесса Палатинская — умная, начитанная и наблюдательная женщина, которая давно следила за политическими успехами Петра, писала после встречи 14 мая своей сестре: «Сегодня меня посетил некто великий, почти мой герой, царь. Я нахожу его хорошим, в том смысле, что когда-то называли “хорошим”, то есть простым и без всякого позерства. Он умен, он действительно говорит на очень плохом немецком языке, но он очень толков и его легко понимать. Он вежлив со всеми и всем очень нравится»³². Однако вскоре принцесса, весьма чувствительная к вопросам этикета и морали, изменила свое мнение: «До того, как царь побывал во Франции, я счита-

³⁰ Sawizki M. Unbekannte Aufzeichnungen... // Die Welt als Geschichte. 1957. XVII. Heft 1. S. 54

³¹ [Buvat J.] Journal de la Régence (1715–1723). P. 270.

³² Lettres de Madame, duchesse d'Orléans née princesse Palatine. Paris, 2010. P. 526, 551.

ла его моим героем. Когда я с ним говорила, я была им очень довольна. Но с тех пор, как он пустился в разного рода разгул, он упал в моих глазах. Я его видела только один раз»³³. Впоследствии, узнав о трагической судьбе царевича Алексея, принцесса Палатинская даже пыталась защищать Петра, заявив, что в газетах сообщают ложные известия, а царь «уже не такой варвар», каким он был до своих путешествий. До мадам Ментенон дошли такие слухи:

«Мне только что сказали, что царь притащил с собой девку и что Версаль и Марли страшно скандализированы. Пришлось послать врачей из Парижа в Трианон. Охота в Фонтенбло мало понравилась царю; зато он так хорошо поужинал, что герцог д'Антен нашел необходимым отказаться от его общества и сел в другую карету. Сен-Симон рассказывает, что в карете царь доказал, что слишком много ел и пил. В Пти-Буре, где остановились на ночь, пришлось нанять двух крестьянок, чтобы привести в порядок карету»³⁴.

По позднему свидетельству Вольтера и Д'Аламбера, кардинал Дюбуа говорил, что царь просто «сумасшедший, рожденный быть помощником боцмана на голландском судне»³⁵.

И все-таки личные встречи с царем способствовали преодолению стереотипов, о чем свидетельствует, например, отзыв из письма воспитателя короля маршала Вильруа к маркизе Ментенон:

«<...> Должен заметить, что этот государь, мнимый варвар, вовсе не походит на такового; он представляет такие чувства величия, великодушия и приветливости, каких мы вовсе не ожидали»³⁶.

Об этом же более пространно писал в своем письме маркиз де Лувиль:

«В этом монархе гораздо больше хороших качеств, чем дурных, так как я нахожу его недостатки незначительными и поверхностными. Его внешность не слишком эффектна, но внутренне он очень развит. Он не очень галантен, и женщины не входят в круг

³³ Cruysse D. van der. *Madame Palatine, princesse européenne*. Paris, 1988. P. 562.

³⁴ Цит. по: *Валишевский К.* Собр. соч. Т. 2. С. 364; ср. [Buvat J.] *Journal de la Régence*. P. 271–272.

³⁵ Lortholary A. *Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle*. P. 19.

³⁶ [Ле Дран Н.Л.] Переговоры касательно заключения союза между королем Людовиком XIV и царем Петром Первым. Переговоры между Францией и царем всероссийским Петром Первым. 1715–1717 // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1881. Т. 34. С. XXV.

его интересов, ибо в качестве любовниц он использует лишь рабынь. Он много умеет, и нет ни одного человека во Франции ни во флоте, ни в армии, ни в фортификации столь же знающего, как он. Он уважает своих врагов и питает особое почтение к шведскому королю и к покойному королю (Людовику XIV. — *С.М.*). Он скуп по отношению ко всем бесполезным вещам. Он любит искусства и ненавидит роскошь. С тех пор, как он находится здесь, он говорил тысячу раз, что со слезами смотрит на Францию, что он видит, что наш маленький король теряет свое королевство из-за роскоши и излишеств. Он знает Францию так, будто он здесь вырос <...> Он ни минуты не бывает без работы. Он ложится в восемь часов вечера и встает в четыре утра»³⁷.

«Чем больше мы его (царя. — *С.М.*) видим, тем больше мы им довольны», — писал граф д'Аржансон маркизе Баллеруа. А журналистка А.М. Дюнуайе в своем письме мужу в Голландию, написанном явно задним числом, сложила целый панегирик русскому царю-преобразователю:

«Все здесь без ума от него и находят его величайшим из когда-либо виданных монархов. До его времени на Московию смотрели с каким-то отвращением. Это была страна, которую едва знали по карте и частным известиям некоторых писателей, которые не боялись опровержений и часто рассказывали о ней небылицы. Теперь дело другое: Московия или великая Россия весьма часто посещается иностранцами и производит значительный торг. Многочисленные войска, сформированные новым царем, превосходно обучены; искусства и мануфактуры этой страны процветают, равно как и науки <...> Одним словом, империя царя, уже и без того обширнейшая, после новейшего её образования и устройства, сделалась одной из страшнейших империй в мире. Все это свидетельствует о величии гения её государя, который одною силою своего ума и воли создал и привел в исполнение столько великих начинаний, и который для успешности оных подвергся различным опасностям, перенес столько трудов и совершил столько долговременных путешествий, наблюдая нравы и обычаи разных народов Европы и замечая в них все достойное подражания для своего государства <...> Особы, которые могли беседовать с ним без переводчиков, уверяют, что он чрезвычайно умен, сметливость и изящный вкус его проявляются во всех похвалах его и суждениях. Страсть его к наукам доказывается той любознатель-

³⁷ Цит. по: *Guichen E. de. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe (1682–1717). Paris, 1908. P. 237–238.*

ностью, с которой он следил за деятельностью нашей обсерватории, все осматривал, обо всем расспрашивал по нескольку раз наших математиков, тщательно собирал и скупал все любопытное и полезное для блага своей державы и образования своих подданных. Смело можно сказать, что он с пользою употребил каждый день, каждый час своего кратковременного пребывания в нашей столице <...>³⁸.

Герцог Л.А. д'Антен, довольно близко общавшийся с царем, в своих мемуарах («*Mémoires de la Régence*», т. 3) постарался дать разностороннюю характеристику необычному гостю³⁹. Герцог отмечал, что в Петре совместились «две натуры: одна — скифа и вандала, другая — человека, который заботами и трудами смог себе дать всё, чего ему недоставало с точки зрения образования». Д'Антен повторил некоторые распространенные оценки парижан: царь плохо одет, «он не прочь хорошо выпить», «он совсем не кажется щедрым». Однако эти мелкие недостатки не затмевали в глазах автора мемуаров «добрых и великих» качеств царя: он умён и постоянно думает о благе своей страны, он овладевает всеми полезными знаниями, обладает вкусом к искусствам. Царь далек от роскоши, которую находил во Франции чрезмерной, и часто говорил герцогу, «что это великое королевство погибнет только от неё». Наконец, Пётр представлен в записках д'Анте́на как дальновидный политик, сделавший могущественным своё государство. Причём автор полагал, что Россия и Франция не опасны друг другу из-за удаленности, а потому могут быть союзниками. Примечательно, что подобно многим европейским современникам д'Антен не распространял высокую оценку русского монарха ни на его окружение, ни на русский народ в целом — их он часто противопоставлял царю-реформатору. Можно предположить, что устные отзывы д'Анте́на о царе, а может быть, и его оставшиеся неопубликованными мемуары были известны его приятелю герцогу Сен-Симону, повторившему некоторые оценки почти дословно.

В общем-то благожелательное отношение к Петру I высказывал в своем дневнике маркиз Ф. Данжо. Он отмечал, что в окружении герцога Орлеанского «весьма довольны царем»⁴⁰.

Герцог Сен-Симон первый набросок характеристики царя сделал задним числом в виде примечания к дневниковой записи Данжо:

³⁸ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже // Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Ч. 6. С. 79–80.

³⁹ Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Fr. nouv. acq. 23931. (*Duc d'Antine. Mémoires de la Régence*. Т. III. 1717. Fol. 6r–9v).

⁴⁰ См.: [*Dangeau Ph.*] *Journal du marquis de Dangeau*. P. 80, 82, 84.

«Этот знаменитый царь наделал в мире столько шума, что было бы бесполезно об этом распространяться. Ограничимся лишь тем, что скажем, как им восхищались здесь из-за его исключительной любознательности, которая касалась всего и не пренебрегала даже малейшими подробностями, могущими принести пользу в будущем; он во всем был сведущим и уважал лишь то, что стоит ценить; он проявлял блестящий и обширный ум, верное и живое понимание вещей, просвещенность и некоторую постоянную значительность. Он удивительным образом соединял явное, самое благородное, самое деликатное и в то же время ничуть не стесненное в своей уверенности величие с учтивостью во всегдашнем обращении со всеми, которую он выказывал в зависимости от положения своего собеседника. Непринужденность, происходившая от свободы, и сильный отпечаток древнего варварства его страны делали его манеры живыми, даже торопливыми, а его желания непостоянными, не терпящими принуждения и возражения. Его стол иногда был менее приличным, чем стол сопровождавших его, небрежно накрытым, что свойственно тем, кто повсюду чувствует себя хозяином. Если он что-то хотел увидеть или сделать, то независимо от средств, он принуждал действовать так, как он желал и говорил. Охота все видеть так, как ему удобно, нежелание выставить себя напоказ, привычка к свободе заставляли его часто предпочитать наемные кареты или фиакры, или даже первую попавшуюся под руки карету его людей или тех, кого он не знал, чтобы ехать по городу или за город; после чего маршалу де Тессе или свите приходилось бежать за ним, часто не имея возможности его догнать. Как бы ни был он просто одетым, без пышного окружения и в простой карете, в нем сразу узнавался монарх — и в манерах, и в личности <....>»⁴¹

В 1717 году Сен-Симон тщательно присматривался к русскому гостю и, кажется, многое сумел в нем увидеть и запомнить. Его мемуары, как уже отмечалось, были завершены только в 1740-х годах, когда проявились результаты государственной деятельности царя и роль России в Европе. Сен-Симон был горячим сторонником союза Франции и России.

Общая оценка Петра I у Сен-Симона — самая высокая. Она как будто заимствована из многочисленных в XVIII веке панегириков царю: «Пётр I, царь Московии, совершенно заслуженно стал настолько знаменит и у себя, и по всей Европе и Азии, что я не решусь сказать, будто знаю другого столь же великого и прославленного

⁴¹ [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau. P. 80–81.

монарха, равного героям древности, который вызывал бы такое восхищение в свое время и будет вызывать в грядущие века»⁴². Однако мемуарист не ограничивался этим панегириком и тщательно анализировал все то, что он знал и читал о русском царе, и то, что видел собственными глазами. Для него, как и для всех французов, Россия до Петра, была варварской страной, и сам Пётр еще не совсем избавился от «варварских нравов». Странные манеры, упрямство, непостоянство желаний, нежелание считаться с общепринятыми правилами поведения и с интересами окружающих — эти «варварские черты» и «пороки», по мнению Сен-Симона, объясняются его «варварским» происхождением, «варварством» его родины и дурным воспитанием. Сен-Симон рассказывал о том, как царь, выйдя из своей резиденции, садился в первую попавшуюся карету, приказывал вести себя в город, оставляя в недоумении и ужасе владелицу экипажа; по словам мемуариста, царь даже не поклонился мадам Ментенон во время своего странного визита к ней; Пётр не проявлял должного почтения к французской аристократии... Однако все это лишь неприятные детали, за которыми Сен-Симон старался разглядеть человека в высшей степени одаренного, незаурядного. Царь покори́л мемуариста своей всеобъемлющей любознательностью, страстью к просвещению, своим блистательным умом, умением перенимать необходимое и полезное. Примечательно, что мемуарист преподносил свое высокое мнение о царе как единодушное мнение, сложившееся о нем во Франции, «которая взирала на него, как на чудо, и была очарована им», что, конечно, не соответствовало действительности.

При этом даже такой начитанный и внимательный автор, как Сен-Симон, часто демонстрировал незнание петровской России⁴³, которую он искренне хотел видеть союзницей Франции.

Мемуары Сен-Симона с их благожелательным отзывом о Петре давно известны в России и широко использовались отечественными историками. Перевод отрывка о пребывании Петра I в Париже был опубликован в 1856 году⁴⁴ и недавно вновь был переиздан в солидном издании⁴⁵. К сожалению, старый перевод не был сверен с

⁴² Сен-Симон. Мемуары. С. 394.

⁴³ Этот общий недостаток тогдашней французской литературы отразился, например, в стихах неизвестного автора, «воскресившего» царя Алексея Михайловича, которому Петр якобы собирается рассказать свои впечатления о Франции. См.: Бутковский И.Я. Французские стихи в честь Петра Великого // Исторический вестник. 1883. Т. 14.

⁴⁴ Журнал Министерства народного просвещения. 1856. № 1. Отд. 2. С. 1—24.

⁴⁵ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 138—153.

оригиналом. Пропуски и искажения перевода (например, везде опущено слово «варварство» и т.д.) свидетельствуют о том, что и в середине XIX века умеренная критика Сен-Симона в адрес царя казалась недопустимой с точки зрения цензуры или, скорее, «внутреннего редактора» переводчика. Впрочем, это был далеко не первый и не единственный случай неприятия русскими оценок Петра I, высказанных французами.

Эхом царского визита в Париж и следствием принятия царя в Академию наук было «Похвальное слово царю Петру I» известного писателя, ученого-популяризатора, предшественника просветителей Бернара Ле Бовье де Фонтенеля (1657–1757).

В ноябре 1725 года Парижская Академия наук поручила своему секретарю произнести посмертное слово в похвалу Петру I. Панегирик Фонтенеля⁴⁶ — это не перечень конкретных заслуг царя перед наукой. Ведь речь шла об императоре, который в силу своей власти мог сделать для наук и художеств больше, чем обычный ученый. Даже как военачальник и завоеватель он способствовал распространению военного искусства среди своих подданных. Предваряя свою речь такими замечаниями, Фонтенель ставил перед собой задачу не просто рассказать о просвещенном государе и об успехах науки в России, но дать оценку реформам Петра I в целом.

Фонтенель начинал с того, что характеризовал положение России до Петра. Крестьяне, рожденные рабами и не заинтересованные в своем труде; господа, угнетенные деспотической властью; всякое производство задавлено; чахлая коммерция находится в руках иностранных купцов; военное искусство прозябает в небрежении; флот отсутствует, — такова мрачная картина «варварской» Московии накануне преобразований. «Повсюду царствовала крайняя развращенность нравов и чувств, которая даже не была прикрыта внешней благопристойностью <...>» На двух страницах текста у Фонтенеля уместились почти все стереотипы, выработанные «цивилизованной» Европой в отношении «варварской», азиатской России к началу XVIII века. Нельзя сказать, что эта картина была ложной, целиком вымышленной, но в ней отсутствовало стремление понять и объяснить состояние допетровской Руси. Автор ограничился лишь ссылкой на то, что все народы переживают похожий период в первые века своей истории, а также указывал, что русские не были лишены добрых природных задатков. Фонтенель отнюдь не питал неприязни к русскому народу, он подчеркивал его былое невежество, желая тем самым возвысить просветительскую миссию Петра I.

⁴⁶ Fontenelle B de. Éloge du czar Pierre I-er // Oeuvres complètes. Genève, 1968. Т. 1. P. 338–356.

«Герои всех видов выходят из рук природы целиком сформированными», поэтому, считает Фонтенель, дурное воспитание и окружение никак не испортили царя. Тяжелая школа, которую Петр прошел в потешном полку, давала ему право, по мнению автора, быть требовательным к другим.

«Все нужно было делать заново в Московии, улучшать было нечего. Речь идет о создании новой нации, причем надо было действовать одному, без помощи, без инструментов»⁴⁷. Пётр у Фонтенеля «творил» свою нацию силою своего разума, своей энергии. При этом нация сопротивлялась: в «грубом, непокорном, ленивом» народе находилось много недовольных. Далее автор разворачивал перед своими читателями панораму основных событий петровского времени. Главной для Фонтенеля являлась тема цивилизации или европеизации России. Он отмечал благотворное влияние поездок русских на учебу за границу и даже писал о цивилизующей деятельности пленных шведов в Сибири: «Они стали чем-то вроде колонии, которая цивилизовала прежних жителей». Но первенствующая роль в просвещении России принадлежала все-таки самому Петру. Автор говорил о его путешествиях по Европе, беседах с учеными, о тщательном изучении географии своей страны, о создании грандиозных планов по соединению русских рек каналами, об организации научных экспедиций. Фонтенель лишь перечислял нововведения царя: новые органы государственного управления, школы, учебные заведения в Москве, Петербурге и Киеве, обсерватория, Кунсткамера, Ботанический сад, типографии, библиотека. Чтобы показать успехи нового русского искусства, Фонтенель принижал древнерусскую архитектуру и живопись, которые ему просто не были известны.

Большое внимание Фонтенель уделял религиозной политике Петра. Главные достижения в этой области, по его мнению, состояли в том, что церковь избавилась от многих предрассудков и обогатилась мудрыми регламентами, а главное, царь не побоялся сам встать во главе церкви и даже посягнуть на ее богатства. Французский академик был явно озабочен засильем церкви в своей стране, поэтому русский пример кажется ему весьма поучительным.

Фонтенель не избегал вовсе неприятных сторон характера и деятельности Петра: грубости, пристрастия к вину, жестокости по отношению к царевичу Алексею, но не они были для него определяющими в характеристике царя.

Секретарь Академии наук выступал как довольно осведомленный автор: ему известны многие научные замыслы Петра, благодаря общению, которое с легкой руки царя установилось между учеными

⁴⁷ *Fontenelle B de. Éloge du czar Pierre I-er. P. 343.*

Петербурга и Парижа⁴⁸. Главные источники сочинения Фонтенеля — это известные записки Д. Перри и Х.Ф. Вебера. Можно предположить, что автор «Похвального слова» пользовался какими-то материалами русского посла в Париже Б.И. Куракина, который сам выступал в качестве историка Петра I. И тем не менее в текст Фонтенеля закралось немало фактических ошибок: неточно названы даты рождения Петра, взятия Азова, Великого посольства, основания Петербурга, Прутского похода. Встречаются наивные суждения вроде того, что Пётр перед отъездом в Европу разослал по разным странам главных вельмож, чтобы обезопасить страну от возможного мятежа.

В сочинении Фонтенеля хорошо просматриваются идеи, которые станут ключевыми в век Просвещения. Прежде всего это безграничная вера в разум и прогресс. Предшественник просветителей восхвалял Петра за отказ от традиций, за религиозную терпимость, за покровительство наукам и технике. В русском царе Фонтенель одним из первых увидел просвещенного монарха, который вывел свой народ из состояния «варварства» и приобщил к цивилизации. Ради прогресса, свершившегося во имя народа, Фонтенель готов был простить Петру его деспотизм и недостатки.

А. Лортолари писал, что Фонтенель создал «ядро русского мифа» о царе, сотворившем новую нацию. При этом необходимо отметить, что миф о Петре — творце новой России еще до появления «Похвального слова» Фонтенеля бытовал в европейском общественном мнении и официальной идеологии Российского государства. Иностранцы уже в 1716 году считали возможным называть Петра «творцом своего народа». К. Зотов докладывал царю из Парижа: у маршала и вице-адмирала д'Эстре был на аудиенции «и принял меня так милостиво, как бы сына своего <...> при мне господин маршал назвал ваше величество творцом российского народа: что может быть говорено в вашу государеву хвалу лутче сего»⁴⁹. Канцлер Г.И. Головкин при поднесении Петру I императорского титула говорил: «<...> токмо едиными вашими неусыпными трудами и руководством мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света и, тако реши, из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены, яко то не токмо нам, но и всему свету известно <...>»⁵⁰. Таким образом, Фонтенель лишь обосновал идею, «носившуюся в воздухе», и придал ей законченный вид, освятил ее своим ученым именем. Однако всякий миф имеет под собой какую-то реальную основу: как бы строго

⁴⁸ См.: *Радовский М.И.* Французский ученый об успехах науки в России начала XVIII в. // Вестник АН СССР. 1960. № 6.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 9, отд. II. № 27. Л. 96–96 об.

⁵⁰ ПСЗ. Т. 6. С. 445.

мы ни оценивали реальные результаты культурной политики царя, они имели далеко идущие последствия, — и современные историки уверенно говорят о культурном перевороте петровского времени.

«Похвальное слово» Фонтенеля оказалось едва ли не первым произведением иностранного автора о Петре I, переведенным на русский язык и опубликованным, хотя публикация состоялась лишь в 1771 году⁵¹. То, что было в Париже панегириком, отнюдь не казалось таковым в Петербурге. Поэтому все переводы сочинения Фонтенеля на русский язык вплоть до середины XIX века подвергались редактированию и сокращению⁵². Наиболее близким к оригиналу был перевод А. Воинова, опубликованный в 1807 году⁵³.

Несовпадение мнений французских и русских историков заметно в вопросе о том, какова была общая оценка Петра I, сложившаяся в итоге его визита в Париж. Отечественные исследователи единодушно считали эту оценку положительной: «Впечатление, которое произвел Петр на современников своим пребыванием во Франции было весьма благоприятное»⁵⁴. Из французских историков такого мнения придерживался лишь дипломатичный Э. Гишан⁵⁵. Более осторожен К. Валишевский: «<...>общее впечатление <...> остается неопределенным и скорее неблагоприятным»⁵⁶. Совсем категоричен А. Лортолари, по мнению которого, лишь ничтожное меньшинство в обществе показало себя благорасположенным к Петру, в том числе Сен-Симон, которого Лортолари называл «жертвой обмана».

Приведенный выше материал, к которому следует прибавить благожелательные по отношению к Петру хроники в журнале «Nouveau Mercure» и книгу П. Бюше «Краткий очерк истории царя Петра Алексеевича»⁵⁷, вышедшую во время визита, не позволяет согласиться с выводом Лортолари. Но и безоговорочный оптимизм отечественных авторов не выдерживает строгой критики. Общественное

⁵¹ Трудолюбивый муравей. 1771. № 2—6.

⁵² См.: Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 69—71.

⁵³ Похвальное слово императору Петру Великому, сочиненное Фонтенелем. Переведено с французского А. Воиновым. М., 1807.

⁵⁴ Брикнер А. Путешествия Петра Великого за границу с 1711 до 1717 года // Русский вестник. 1881. № 3. С. 71; ср.: Бакланова Н.А. Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII в. // Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966. С. 332—333.

⁵⁵ Guichen E. de. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe. P. 236—237.

⁵⁶ Валишевский К. Собр. соч. Т. 2. С. 364—365.

⁵⁷ [Buchet P.F.] Abbregé le l'histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une relation de l'état présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passé de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour. Paris, 1717.

мнение не было единогласным. Подсчет сторонников и противников царя едва ли окажется точным. Важнее отметить то, что деятельность Петра начала разрушать образ «русского варвара», исторически сложившийся во Франции. Путешествие Петра во Францию стало важным поворотным пунктом во взаимоотношениях двух стран: это был момент первого близкого знакомства, взаимного узнавания, взаимного любопытства — открытие «другого», хотя оно протекало не всегда гладко. У русского царя появились сторонники в образованном французском обществе. Наконец, после длительного периода пренебрежения к далекой и «варварской» стране во Франции зародился живой интерес к Петру I и к России.